

обнаружением дихотомии «кортеж – знаковый кортеж» внутри семантического ядра языкового знака теория лингвистической относительности может быть дополнена материалами сугубо социологической направленности.)

Четвертая причина – разведение кортежа и знакового кортежа по признаку деятельности. Как мы видим, в них неизбежно прочитываются разные виды деятельности, а именно: реальная, или практическая, и знаковая, типовая. Так, если реальный кортеж – это, в определенном смысле, и н т и м н о с т ь и, значит, возможность затруднительного положения, а в лингвистическом смысле – это всегда поиск своего слова, стремление выразить достаточно полно свою роль, себя через слово, то знаковый кортеж – это ситуация, когда роли расписаны, и поэтому в ее рамках деятельность легко превращается в игру, маску, позу. Психологически в маске человек свободен, в ней для него почти нет затруднительных положений. Вот почему общение, и речевое в том числе, легче проходит, когда акцентированным оказывается знаковый, но не реальный кортеж. Реальный кортеж, далее, – это всегда оригинальная деятельность, в то время как знаковый кортеж характеризуется заданностью знаковой деятельности. У знака всегда есть рамки, границы функционирования, у реальности их значительно меньше или вообще нет, кроме как границ бытия и небытия. И последнее в данной связи, реальный кортеж – это каждый раз н о в а я с и т у а ц и я, в то время как знаковый кортеж – это типичная ситуация, которой можно обучиться и воспроизвести ее. Вот почему, играя, задавая ученикам роли, ситуации и, тем самым, вид деятельности, их легче научить речевой деятельности, ибо во многом это – обучение штампам: знаковому кортежу и знаковому референту. Деятельностный подход к противопоставлению исследуемых понятий (и, соответственно, понятий, стоящих за ними) открывает факт кодирования текстами не только самой деятельности, но и отношения субъектов коммуникации к ней (активность/пассивность и т. д.).

И наконец, может быть отмечена пятая причина разведения кортежа и знакового кортежа – по признаку волеизъявления. Так, если кортеж – сама реальность, т. е. это стиль жизни как сама жизнь, то знаковый кортеж – это типаж, стилизация. И здесь, кодируя текст, мы кодируем свой менталитет, свою систему ценностей, свою способность или неспособность к творчеству.

Все это, как нам кажется, не может не убеждать в реальности существования дихотомии «кортеж – знаковый кортеж», в необходимости включения ее в качестве одной из двух равноправных дихотомий семантического ядра текста, требующей самого пристального внимания исследователей дискурса.

СОБОЛЕВА Л. И.

ЛЕКСИКА СИТУАТИВНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Сопоставительный анализ одной подсистемы сенсорной лексики русского и белорусского языков позволил определить особенности семиотической организации глаголов звучания, полностью обусловленные прагматическим аспектом плана содержания знака.

1.1. Глаголы шума являются прагматически незначимой частью лексикона, поэтому их денотатами стали не конкретные звуковые эффекты, а целостная ситуация, включающая представление о предмете – источнике звука, и сам звук. Следовательно, глаголы шума – это не понятийная лексика, а лексика ситуативных представлений. Лексика ситуативных представлений имеет двойственное семиотическое членение: звукоподражательные глаголы являются знаками-индексами, а звуковые признаки предмета – планом содержания этих знаков. Звуковой признак, в свою очередь, является знаком-индексом предмета, порождающего звук.

В звукоподражательных словах означающее и означаемое объединены по сходству, поэтому метафоризация стала основным способом переноса значения в этой лексической подсистеме. Причем происходит метафоризация не денотатов звуков, а денотатов источников звуков. В целом же коннотация ономатопеической лексики в большей мере, чем у других слов, определяется составляющими денотативной ситуации.

1.2. Глаголы шума не относятся к понятийной лексике, поэтому у них нет общего инвариантного значения. Образная природа денотативной ситуации обуславливает варьирование денотата у каждого из носителей языка (варьируется представление об источнике звука и о самом звуке), поэтому в тексте семантика глаголов шума реализуется не на уровне значений, а на уровне индивидуальных смыслов. В отличие от прагматически значимой лексики, где первые два элемента семантической цепочки «лексическое значение – вариант значения – смысл – оттенок значения» создают основу частичного взаимопонимания говорящего и слушающего, понимание глаголов шума из-за их малой прагматической значимости связано с восприятием третьего элемента, с осознанием общего «гиперонимического» смысла: неважно, бряцаешь, брякаешь или звенишь – важен общий смысл – шумишь.

2.1. Денотативной ситуацией для глаголов речи является речевой акт, поэтому их семантическая структура в сфере передачи информации является двойственной: с одной стороны – собственно понятийная информация, отражающая характер сообщения и его средства (значимость информации, ее достоверность, последовательность изложения, продолжительность речи, т. е. все логические и акустические особенности повествования), с другой стороны, семантические компоненты глаголов речи (таких, например, как: *говорить, кричать, шептать, подсказывать, молиться, декламировать*) включают информацию обо всей денотативной ситуации, обо всей ситуации общения: о субъекте и адресате речи, об их числе и эмоциональном состоянии, о характере отношений между ними.

Например, глагол «позвать» имеет сему «цель речи», которая характеризует и собственно речь и предполагает адресата речи, а он является элементом денотативной ситуации. Более отчетливо это свойство демонстрирует древнерусский глагол ЗЛОСОВѢТОВАТИ «совещаться, сговариваться с целью причинить зло кому либо», в котором элементы денотативной ситуации отражены в семе «сумма субъектов речи». Кроме того, здесь конкретизируется сема «цель речи» и ей дается этическая оценка.

Все сказанное позволяет оценивать глаголы речи как индексивные знаки по отношению к денотативной ситуации и субъекту речи. Это сближает прагматически значимые глаголы с лексикой ситуативных представлений.

2.2. Двойственная семиотическая природа глаголов речи (понятийность и образность, закодированные в их семантической структуре) позволяет легко их антонимизировать (известный пример: «что ты на меня кричишь» – о злом шепоте): в этом случае игнорируются семы собственно речевого феномена (акустические признаки звука) и гипертрофируется представление о составляющих денотативной ситуации (например, об эмоциональном состоянии субъекта или адресата речи).

2.3. Легкость создания метафоры в результате изменения иерархии «понятийных» и «бытийных» (ситуативных сем), создавая лаконичность текста, размывает границы кодовой структуры. Последнее проявляется как в организации семантической структуры отдельного слова (многие глаголы речи осознаются говорящими не только как лексика речи, но и как, скажем, лексика этической оценки или как эмоциональная лексика: ЗЛОСОВѢТОВАТИ, ЗЛОСОВѢЩАТИ, НАТРУНИТИ, НАПЛАКАТИСЯ – следовательно, тематическая открытость связана не с денотативной ориентацией, а с взаимодействием элементов семантической структуры слова), так и в организации отдельных подсистем глаголов речи, т. е. в существовании семиотико-синкретических глаголов, в значении которых сочетаются семы «речь», «действие», «интеллект», «эмоция».

Перечислим основные структурные типы синкретических значений: I. цель речи + действие, действие + недостоверность речевой информации, действие + морально-этическое содержание речи, действие + этикетная цель речи, действие + речевая информация, противоположная первоначально переданной, действие + результат речи, действие + степень владения речью, действие + номинативная функция, действие + метаязыковая функция, действие + цель речи + морально-этическое содержание речи, действие + морально-этическое содержание речи + передача информации (57 глаголов). II. Действие + несколько разных сем с общим значением речи, содержащихся в разных значениях многозначного слова (11 слов). III. Действие + речь + эмоция (5 слов). IV. Действие + эмоция + речь + запах (1 слово). V. Речь + эмоция (5 слов). VI. Звук человека + эмоция

(1 слово). VII. Зрение + речь + эмоция (1 слово). VIII. Речь + интеллект (16 слов). IX. Слуховое восприятие + интеллект (3 слова). X. Речь + действие + интеллект (3 слова), а также еще 9 слов, где названные семы подчинены семе «магическая функция речи». XI. Речь + звук + интеллект (1 слово). XII. Звук + действие + речь (1 слово). XIII. Речь + звук (6 слов). XIV. Речь + шум (2 слова). XV. Шум + звук + речь (2 слова).

2.4. В несинкретических глаголах уровень абстракции при перекодировании сем ниже, поэтому элементы денотативной ситуации осознаются говорящим (НАПЛАКАТИСЯ – это и звук человека, и выражение эмоционального состояния субъекта). В синкретических глаголах уровень абстракции при перекодировании сем выше, поэтому в аспекте индексивности семы «речь», «действие», «интеллект», «эмоция» выступают как элементы одного порядка. Денотативная ситуация не осознается говорящим, а «метонимия» следствием создает синкретизм лексической единицы. Но в обоих случаях условием «семантической игры» оказывается денотативная ситуация.

3.1. Структурная близость глаголов речи с лексикой ситуативных представлений, зависимость их семантики от целостной денотативной ситуации осмыслена в метаязыке в понятиях перформативов («чистых» глаголов говорения, которые служат для описания того, что делает говорящий) и перлокутивных глаголов (которые предполагают участие слушающего в ситуации речевого общения). Но в наибольшей степени с денотативной ситуацией, точнее, с субъектом речи связаны дескриптивные глаголы, например: *лгать, инсинуировать, высмеивать, льстить, ругать, хвататься, выболтать, подбивать, подстрекать, угрожать...* Эта связанность настолько велика, что субъект речи не может быть эксплицирован в форме первого лица: семантика таких глаголов содержит не собственно речевую информацию, а информацию об отношении субъекта речи к ее содержанию. Таким образом, элемент денотативной ситуации оказывается на «вершине» иерархической семной структуры таких глаголов, и поэтому они используются для передачи речевых актов других людей.

То, что Вендлер назвал «иллокутивным самоубийством», – следствие двойственности семантической структуры глаголов речи, которые передают и «собственно информацию», выходящую за пределы денотативной ситуации, и информацию о денотативной ситуации.

3.2. Априори семами глаголов речи, отражающими денотативную ситуацию, признаются семы, характеризующие субъекта и адресата речи: 1) субъект речи, 2) эмоциональное состояние субъекта, 3) адресат речи, 4) сумма субъектов речи, 5) эмоциональное воздействие на адресата речи, 6) сумма адресатов речи, 7) ограничено/не ограничено число адресатов речи, 8) характер отношений субъекта и адресата речи, 9) тождественность/нетождественность субъекта и объекта речи, 10) тождественность/нетождественность объекта и адресата речи, 11) морально-этическая оценка речи.

3.3. Из 261 однозначного и 61 двузначного глаголов речи древнерусского языка выделяются несколько десятков слов, в которых превалируют названные семы.

Сема «сумма субъектов речи» присутствует в глаголах: ВЪЩЕСТВОВАТИ (ВЪЩЕВАТИ, ВЪЩАВАТИ, ВЪЩАТИ) – разговаривать, беседовать, ВЪЩЕВАТИСЯ – обижаясь, обсуждать что-либо между собой, ВСПРАШАТИСЯ – спрашивать друг друга, ВОЗБЕСЪДОВАТИ – начать беседовать, говорить, ДОМОЛВИТИСЯ (ДОМОЛЫТИСЯ) – уговориться, ЕДИНЯТИСЯ – объединяться, договариваться о единстве действий, ЗЛОСОВЪТОВАТИСЯ, ЗЛОСОВЪЩАТИ (ЗЪЛОСОВЪЩАТИ) – совещаться, сговариваться с целью причинить зло кому-либо, ЗДОРОВАТИСЯ – поздравлять друг друга с чем-либо, НАГАДАТИСЯ – посоветоваться, НАГОВОРИТИСЯ – уговориться, сговориться о чем-либо, НАЗГОВОРИТИСЯ – договориться, пойти наговор с кем-либо.

Сема «сумма адресатов речи» присутствует в глаголах: ДОПРАШАТИСЯ – узнать, найти, расспрашивая многих людей, НАСОЧИТИ – донести, объявить (энантиосемичный глагол), НАРОДОВЪЩАТИ – говорить перед народом.

3.4. Предполагается сема «адресат» и в глаголах, имеющих сему «цель речи этикетного характера»: ВИТАТИ – приветствовать, ВИТАТИСЯ – здороваться, ВОЗБЛАГОДАРИТИ – принести благодарность, ДОБРОДАРИТВОВАТИ – благодарить, ДЯКОВАТИ – благодарить, ЗДОРОВАТИ – принести поздравление кому-либо, поздравлять кого-либо с чем-либо.

3.5. Существует 10 древнерусских глаголов, значение которых ориентировано не на содержание речи, а на отношение к ней адресата: в них эксплицирована иллокутивная цель – вынудить адресата адекватно воспринимать речевую информацию. Это глаголы: ВРЕЧИСЯ (ВРЕКАТИСЯ) – дать обещание, обязаться, ВООБЪЩАТИСЯ – дать обещание, ЗАВЕЧАТИ – обещать, дать обет, ЗАВЪЧИВАТИ – обещать, давать обеты (относительно чего-либо, приносящего в дар церкви), ЗАРЪКАТИСЯ – давать зарок, обещать не делать чего-либо, ЗАРЕЧИСЯ (ЗАРЕЩИСЯ) – дать обещание, зарок, ЗАРЕКНОВАТИ – дать зарок, ЗАКЛИНАТИСЯ – дать клятву, обет, ЗАКЛЯТИСЯ – дать клятву, обет. В пресуппозиции сема «адресат» присутствует в глаголах НАУСТИТИ – убедить, побудить, подговорить, подстрекнуть, НАУМНЯТИ – научать, советовать.

3.6. Сема «ограничено число адресатов речи» сочетается с семами «морально-этическая оценка объекта речи» и «недоверие к речевой информации», иногда с семой «непоследовательность речевой информации»: ДОРИЦАТИ – обвинять, доносить, ДОГЛАГОЛИВАТИ (ДОГЛАГОЛАТИ) – донести, сделать донос, оклеветать, НАЯБЕДНИЧАТИ – запутаться в ябедах, крючкотворстве, НАЧМУТИТИ – насплетничать, наябедничать. Морально-этическая оценка объекта речи относится к пресуппозиции, возникающей благодаря эксплицированию сем, называющих условия речевого акта. По той же причине в контексте денотативных условий речи эта оценка воспринимается как неадекватная.

4.1. Сема «эмоциональное состояние субъекта речи» имплицитно присутствует в глаголах звучания, передающих определенное эмоциональное состояние человека: смех (ВОССМЪЯТИСЯ, ВОСМЪЯТИСЯ, НАСМЕШИТИ, НАТРУНИТИ), плач (НАПЛАКАТИСЯ, ВОСПЛАКАТИ, ВОСПЛАКАТИСЯ, ЗАПЛАКАТИ, ЗАХЛИПАТИСЯ, ВСХЛИПНУТИ, ВОСХЛИПАТИ, ВСХЛИПАТИ, ВОЗРЫДАТИ, ВОЗРЫДАТИСЯ), стон (ВОССТОНАТИ, ВОСТОНАТИ, ВОСТОГНАТИ, ВОССТЕНАТИ, ВОСТЕНАТИ, ВЗДЛАТИ).

Глаголы, называющие акустические свойства речи (ВЕЛЕРЪЧЕСТВОВАТИ, ВЫКЛИКАТИ, ВОЗГЛАСОВАТИ, ВОЗГЛАШАТИ, ВОСКРИЧАТИ, ВЗВОПИТИ, ВПЕЩАТИ, ВОПЛЬСТВОВАТИ, ВОЗОПИТИ, ВОЗОПИЯТИ, ГРОМОГЛАСОВАТИ, ГЛАСОВАТИ, ГОЛЧАТИ, ГОРТАНИТИ, ГАРКАТИ, ГАРКНУТИ, ЗАКАРКАТИ, ЗАКРИЧАТИ, ЗАВОПИТИ, ЗАВОПЪТИ, ВСКРИЧАТИ – издать громкий звук, крик, крикнуть что-либо // начать громко плакать, жаловаться), имеют сложную импликационную структуру. Интенсивность речи – не только следствие эмоционального состояния субъекта, но и наиболее эффективный, с точки зрения говорящего, способ передачи информации реципиенту.

Поэтому глаголы, указывающие на акустические аномалии речи, имеют и сему «недоступность речевой информации». Из шести глаголов, характеризующих акустические аномалии, два обозначают неясную для слушающего речь (ГУГНАТИ – говорить неясно, бормотать, ГНУСАТИ – говорить в нос, гнусить, гнусавить), один – специфическую, недоступную автоматизированному восприятию речь (ЗАИКИВАТЬСЯ), три – неспособность владеть речью или нежелание материализовать ее (НЪМОВАТИ – лепетать, произносить нечленораздельные звуки, НЪМОТОВАТИ – не владеть речью, лепетать, изъясняться нечленораздельными звуками, НЪМСТВОВАТИ – пребывать немым или безмолвным).

4.2. В семиотико-синкретических глаголах речи семы «эмоция» и «речь» противопоставляются и относятся к разным сторонам знака: если означающее создает установку на восприятие семы «эмоция», то означаемое содержит информацию о речевом феномене (ВЫПЕЧАЛОВАТИ – выпросить, исходатайствовать для кого-либо освобождение) и наоборот (ВЫСТОНАТИ – выстрадать, ЗАРЫДАТИСЯ – начать стыдиться).

В семантике таких глаголов подчеркивается реактивность эмоционального состояния адресата (ДОКУЧАТИ – неотступно просить, надоедать, ГРУБИТИ – причинять вред, наносить ущерб, обиду, ЗАСРАМИТИ – устыдить, ЗАГРУБИТИ – восстановить против себя, раздражать. Более того, среди несинкретических собственно глаголов речи нет слов, выражающих только эмоциональное состояние субъекта речи, в них эмоции субъекта речи – мотив эмоций, которые должны появиться у адресата (ЖАЛОБИТИ, ЖАЛОБИТИСЯ – обращаться с жалобой на кого-либо, что-либо, ЖАЛОВА-

ТИСЯ – жаловаться). Бытовым сознанием речь понимается как стимул поведенческой, интеллектуальной, эмоциональной реакции адресата (ЗАМОЛЫТИ – замолвить слово, попросить о прощении).

Следовательно, сема «эмоциональное состояние субъекта речи» не встречается изолированно в собственно глаголах речи: она имплицитно присутствует в глаголах, называющих неречевые звуки человека, менее частотна и специфично выражена в семиотико-синкретических глаголах, в глаголах речи она связана с проекцией состояния субъекта на адресата речи.

4.3. Сема «характер отношений субъекта и адресата речи» закономерно существует только в перформативах (ЗАПРАШИВАТИ, ЗАПРОШАТИ, ЗАПРАШАТИ – попросить, потребовать, ВОЗВЕЛѢТИ – повелеть, приказать, ВОСТРЕБОВАТИ – потребовать, ЗАПОРУЧИТИ – поручить, сделать распоряжение, ЗАКАЗОВАТИ – приказать, наказать), ведь иллюкутивная цель может эксплицироваться только благодаря специфическим отношениям (заданным отношениям неравенства) субъекта и адресата речи, хотя пресуппозитивно она присутствует и в дескриптивных глаголах: ВЗГОВАРИТИ – подговаривать, подговорить, НАВАЖАТИ – подстрекать, подучить, НАКЛИКИВАТИ – звать, призывать кого-либо с какой-либо целью, НАМОЛВЛИВАТИ, НАМАЛВЛИВАТИ – подговаривать, уговорами склонять к чему-либо, НАУЧИВАТИ – натравливать на кого-либо, подговаривать, подстрекать к чему-либо, НЮКНУТИ – крикнуть, подзадоривая, побуждая, НУКНУТИ – крикнуть, побуждая, понукая.

Чем больше конкретизируется сема «цель речи», тем более актуализируется денотативная ситуация, тем более эксплицировано указание на субъекта и адресата речи (примером являются глаголы: ВЫЗВАТИ, ВЗЫВАТИ, ЗАЗЫВАТИ, ЗАВЫВАТИ, ЗАЗВАТИ – звать, ГЛАСНУТИ – позвать, призвать, ГОЛОСИТИ – громко звать).

4.4. Динамика отношений, взаимозаменяемость функций субъекта и адресата речи при изменении цели речи в речевом акте выражена в семантике глаголов: НАПРАШИВАТИСЯ, НАПРОШАТИСЯ, НАПРОСИТИСЯ – напроситься, где целью речи является сначала речь адресата, а затем – неречевое действие первоначального субъекта речи, ставшего адресатом два: $C_1 - РАД_1 = C_2 - ЯАД_2 = C_1$, где C – субъект речи, $АД$ – адресат речи, R – речевая реакция, $Я$ – неречевая реакция.

4.5. Строго говоря, в последних 18 глаголах подчеркивается не столько характер отношений субъекта и адресата речи, сколько их соприсутствие в речевом акте благодаря актуализации семы «цель речи». Иерархичность же отношений субъекта и адресата речи прямо выражается в семантике двух глаголов: семиотико-синкретического ДЕРЗОВАТИ – осмеливаться свободно и непочтительно говорить, делать что-либо, а также ДОКЛАДЫВАТИСЯ – сообщать о своих намерениях, спрашивать разрешения.

В отличие от перформативов (см. 7 глаголов группы ЗАПРАШАТИ) в двух последних глаголах статус субъекта речи ниже статуса адресата речи.

4.6. Характер отношений субъекта и объекта речи, объекта и адресата речи определяет ее морально-этическое содержание. Так, например, в глаголах: ВСПОКАЯТИСЯ, ВОСПОКАЯТИСЯ – покаяться, ВОСХВАЛЯТИСЯ – хвалиться, похваляться, где субъект речи тождествен объекту речи, содержание не соответствует сообщению и морально-этическая оценка, выраженная в речи, противоположна морально-этической оценке самой речи.

Двойная энантиосемия глаголов: ВЕЛЕРѢКОВАТИ, ВЕЛЕРѢЧИВАТИ, ВЕЛЕРѢЧЕСТВОВАТИ – 1) клеветать, наговаривать; 2) много говорить о себе, хвастать, похваляться – основана на том, что отрицательная морально-этическая оценка в содержании речи не предполагает тождества ее субъекта и объекта, но сама эта закономерность стала причиной того, что морально-этическая оценка содержания речи в любом случае оказывается отрицательной.

В глаголах речи сема «морально-этическая оценка» связана, скорее, с эмотивной функцией и не предполагает тождества объекта и адресата речи (исключением является слово НАРУГАТИСЯ). Но уже то, что в таких словах, как ВОПѢТИ, ВОСЛАВИТИ, ВОСПѢВАТИ, ВОСПѢТИ, ГОУДИТИ, ВОЗГЛАГОЛАТИ, ВОСХВАЛИТИСЯ, ВЫГОВАРИВАТИСЯ, не конкретизируется объект или адресат речи, позволяет предположить, что основ-

ная информация, содержащаяся в них, – это информация не об объекте речи, а об отношении субъекта речи к ее объекту, следовательно, субъект речи как составляющая денотативной ситуации представлен в семантике этих глаголов.

В глаголах группы НАДСМЪВАТИСЯ – смеяться над кем-либо, высмеивать кого-либо (НАСМЪВАТИ, НАСМЪВАТИСЯ, НАСМИВАТИСЯ, НАСМЪХАТИСЯ, НАСМИХАТИСЯ, НАСМИСАТИСЯ) – положительная или отрицательная реакция адресата речи определяется тождественностью/не-тождественностью объекта и адресата речи, характером отношений субъекта и адресата речи, адресата и объекта речи, но совершенно очевидно, что в данном случае эти наиболее общие характеристики денотативной ситуации являются условиями необходимыми, но не достаточными для объяснения мобильности эмоциональной реакции на речь.

Семантическая структура глаголов речи образуется семами, соответствующими элементам денотативной ситуации, что сближает эти глаголы с лексикой ситуативных представлений и определяет их индексивную природу, поэтому можно предположить, что компонентная структура глаголов речи моделирует на уровне бытового значения осознание говорящими дихотомии прагматической ситуации и прагматической функции: денотативная ситуация глагола речи, употребленного в высказывании, моделирует прагматическую ситуацию, определяющую структуру и смысл высказывания.

Н. М. ГУРИНА

СТРУКТУРА ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ КАТЕГОРИИ ПРЕЗЕНТАЦИИ РЕЧИ

Категория презентации речи находится в ряду таких функциональных категорий, как темпоральность, модальность, определенность/неопределенность, посессивность, интенсивность, и отвечает одной из актуальных тенденций в развитии современной лингвистики – стремлению создать функциональные описания различных уровней языка¹. В данной категории нашли отражение представления говорящих о процессах и средствах коммуникации на родном и других языках, обозначаемые понятием «языковое самосознание». Это самосознание может выражаться языковыми и речевыми средствами. Являясь по своей природе левополушарной, метаязыковая функция связана с логическим упорядочением мышления и созданием специальных языковых средств такого упорядочения. Переход от замысла к тексту осуществляется с участием механизма контроля языковой правильности высказывания, поэтому во внешней речи могут быть представлены результаты действия этого механизма в виде метаязыковых рамок и вводных единиц, включенных в высказывание.

Функциональная категория презентации речи оперирует совокупностью разноуровневых элементов языка (графических, морфолого-синтаксических, лексико-фразеологических), с помощью которых описываются различные аспекты человеческой коммуникации: 1) обозначения компонентов коммуникативного акта; 2) средства организации диалога «своей» и «чужой» речи в тексте; 3) средства комментирования текста говорящим/пишущим; 4) средства выражения эмоционально-экспрессивных оценок речи. Главным содержательным компонентом средств презентации речи является общенародная, неспециальная лексика (в отличие от метаязыка, ядром которого является именно специальная лексика – лингвистическая терминология). Систематизация языковых/речевых средств презентации речи может быть осуществлена в соответствии с их функциями. Поскольку средства презентации речи полифункциональны, то они могут быть представлены одновременно в двух или даже в трех классах. Так, в высказывании *Создав алфавит, он начертал первую фразу...* глагол *начертал* выполняет функцию обозначения процесса общения и экспрессивной оценки речи.

1. В группе средств, обозначающих компоненты коммуникативного акта, центральное место занимают лексемы, связанные с приемом и передачей информации. Поскольку коммуникация по своей сути – это процесс, то в данной ЛСГ преобладают обозначения коммуникативных процессов. Это